

ДНЕВНИК
ЛИЗЫ
ВЕЙДЕ

«Мой отец, Георгий Иванович Вейде, происходил из старинного шведского рода. По всей видимости, его предки служили в русских войсках ещё с петровского времени. По семейной легенде, наш предок Вейде был в начале XVIII века контр-адмиралом и обучал моряков Петра I. Отец был парикмахером. Моя мама, Елизавета Федоровна Фогельгезанг, была маникюршей в парикмахерской - работала вместе с отцом». Эти строки Елизавета Георгиевна Вейде надиктовала в начале этого века петербургскому журналисту и исследователю Сергею Глезерову, который и опубликовал впервые её дневник в книге «Блокада глазами очевидцев». Записи 14-летней Лиза начала вести после эвакуации из Ленинграда на Кавказ, продолжала, будучи угнанной в Германию, а последние строки написаны накануне освобождения и возвращения домой.

Правда, попасть в Ленинград Вейде сразу не удалось как «политически неблагонадёжным». Пять лет Лиза с мамой и сестрой работали в мехлесопункте, валили лес. В город вернулись в 1949 году, Лиза поступила в артель «Автотранс», затем в Главленинградстрое трудилась диспетчером и нормировщиком.

«Елизавета Георгиевна жила одна, практически в нищете, в маленькой однокомнатной квартире в хрущёвке, - рассказывает Сергей Глезеров. - Последняя её работа - уборщица в общественном туалете. Когда она мне говорила об этом, то плакала, поскольку для неё такая работа была унижением. Но жить было не на что, приходилось выкручиваться. Ещё она была очень сердобольной и отзывчивой. В своей крошечной квартире приютила двоих гастарбайтеров с ближайшего рынка - мужа с женой. Они были бездомные, как она когда-то, и она их пожалела и приютила у себя. О дневнике она говорила так: «Когда я умру, я хочу, чтобы этот дневник передали в Музей блокады Ленинграда. Это самое дорогое, что у меня есть и что должно сберечь обо мне память».

Когда мы готовили к печати этот сборник, телефон Елизаветы Георгиевны уже не отзывался. Судьба её дневника также неизвестна. В Музее блокады его нет...

Есть - в этой книге.

Это было ровно в 11 часов ночи в **43 году 11 сентября**, когда мы отъезжаем от Мюнстерберга. Был хороший звездный вечер, когда мы выехали со двора. Песок, лошади с трудом тянут брички, полные вещами. Все мертво кругом, только невдалеке видно, как что-то горит. Фронт от нас в 20 км. Нас всего шесть деревень. Сперва выезжает первая и так дальше, наша третья по счету. Мы ждем всех около нашей мельницы - это конец нашей деревни. Но погода изменчива, и в 12 часов пошел сильный дождик. Тут стоишь около домов и не имеешь право зайти. Пока все в порядке было, но наступило уже утро, стало все светлее и светлее. Дождь перестал, но мы все мокрые и не спавши. На наше счастье день выпал хороший, солнечный, и мы можем выспаться за всю ночь. Вот уже едем пятый день, и мы переезжаем Днепр. Сейчас я сижу на подводе и записываю. Передо мной Днепр широкий. Солнце уже на закате (ночуем уже на улице около подвод), его золотистое отражение легло на голубые воды Днепра. Все кругом шумит, как в цыганском таборе. Везде, как только хватит моего глаза, виднеются только белые паруса лодок и широкие украинские степи. (...)

Вечер 16 сентября в 43 году. Пишу дальше и не хочу еще раз описывать утреннюю красоту Днепра. Мы выехали из города Борислав - шикарный город, он лежит на одной из вершин, совсем на берегу Днепра. Есть о чем вспомнить, когда домой вернемся. Мы находимся в одной из украинских деревень - Юрьевка. Запущенное село находится в балке (балка - яма). Далеко от города. Нам говорят, что мы здесь останемся, но мы не довольны. Какие-то маленькие землянки, но зато много фруктов и хлеба. Один день, и едем дальше. Нам скучно и тяжело и куда ни кинься, везде не хватает папы, был бы он жив и были бы мы в других условиях. Сколько слез пролила я за это короткое время. Но ничего не сделаешь, значит, судьба моя такая, ведь не я одна сиротой осталась. А их миллионы. Мне было хоть уже 14 лет, а есть и маленькие дети, которые уже совсем круглые сироты. (...)

26/IX-43. На работу еще не ходим, хотелось бы поспать, но нужно лошадей кормить, на улице грязь, был дождь, но мне не страшно, я еду верхом на лошади, а другую веду под уздцы. Да кто бы видел из наших, что получилось из маленькой ленинградской девчонки. Настоящий разбойник. Знал бы это папа, что есть его дочь.

1 октября. Итак, еще не работаем, староста дает нам другую квартиру, потому что эта развалится скоро. Сегодня у немцев Покров, для нас

дают тоже праздник, но нам некогда и негде его справлять. Мы чистили сараи. А после обеда было что-то так грустно, что я осталась дома. А девочки ушли гулять. Сижу одна за партой и вспоминаю то одну, то другую историю в жизни. И это все нагоняет еще больше скуки. (...)

Наступило **21 января в 44 году**. Обед. Мы едем на станцию Закупное. Нам садиться на поезд, а лошадей забирают мужчины и едут назад. А мы одни за границу, прощай, несчастная Россия и наш любимый Ленинград. Вот переехали границу, едем по Польше. Сейчас стоим на какой-то из станций Кахонова и больше ни одной не знаю, потому что выходить не приходится, стоим по полчаса на станции.

Лезнау. Здесь нас встречали с музыкой и речью с песнями. Это было **ночью 29 января**, когда мы ночью в 11 часов подъехали к ст. Лезнау, и никогда не забуду, как я дремала, и вдруг сильные лучи электрического света осветили меня, и музыка, игравшая марш. Эшелон движется медленно, двери вагонов открыты настежь, мы все стоим и слезы текут по нашим загорелым лицам - мы плакали. Никто из нас не знает, почему мы плачем - слезы катятся сами. От пережитого горя и бог знает, что будет с нами дальше. И так с музыкой встречали нас здесь, но тяжело досталось нам потом. Медленно подъезжая, слышим мы речи, песни и музыку. Но у нас на душе тяжело и печально. Сотни рук протягиваются к нам, спрашивая, откуда, как нам жилось, говоря и обещая бабушкины сказки в жизни здесь. Мы едем дальше, некоторые и там остались, но нас везут дальше. В четыре часа ночи прибыли мы на станцию Эйхенбрюк. Где нас тоже ждала до часу музыка, но мы опоздали. Мы подъезжаем, нас подхватывают сотни рук. Станция небольшая, но чистая, все блестит, электричество освещает все как днем. Нас везут в лагерь, где встречают нас сестры в белых халатах - столы накрыты и где только садимся за еду. Солома, но она чисто подобрана, совсем новые одеяла - каждому по два. И мы, уставшие после долгого путешествия, ложимся на солому.

Там были мы всего четыре дня, а потом повезли нас опять в другой лагерь - Зеегрунд. Когда мы туда прибыли, я думала, хоть конец нашему мучению, но это была неправда, опять приходится на соломе сидеть, холодно, маленькая печка, дышим, что даже глазам больно. (...)

Сегодня **воскресенье, 21 февраля**. Обед уже у нас готов, мы справились и вошли в комнату, женщины поют церковные песни, слушаем их, и наворачиваются у всех слезы. Зал плачет тихо, только видим, как у

Бантики, чулочки, кудри - она ещё не знает, что ей предстоит через несколько лет, когда с её образа сотрутся едва ли не все приметы человеческого бытия, а от неё самой останутся лишь страх, боль и пот. Русская рабыня - девочка Лиза с немецкой фамилией Вейде...

Она переживёт и это - и вернётся в Россию, домой. Но такой счастливой, какой была в детстве и до угона в Германию, не будет уже никогда... (Лиза Вейде на послевоенном фото - справа в верхнем ряду.)

Фото на странице - из книги «Блокада глазами очевидцев».

каждого скатываются слезы с глаз. Мы ведь все так далеко от родины, больше всего одиночки и на чужой земле.

Уже первое марта, но мы еще в лагере, завтра месяц как мы здесь. Сажу на соломе и записываю эти строки. И сидя думаешь только и мечтаешь, что будет дальше. Счастлив человек, который имеет отца. Он живет и любит, но мы живем и мучаемся уже третий год. (...)

Скоро опять 2 мая, уже будет два года, как нет у нас папы, как мы одни. Он никогда больше не придет и не пожалеет нас и не скажет, как всегда говорил: «Татуня, положи папирос», - его нет. Сажу одна в комнате, скучно, но ничего, нужно привыкать. Сегодня хочу идти к Эмилии, она живет недалеко от нас. Я не знала, где она находится, но несчастный случай помог нам найти друг друга. Нина пошла в школу и встретила ее сестру. Случай помог, и я не одна, опять есть с кем поговорить.

Уже прошло три месяца, как мы здесь, но ничего новенького, домой ехать еще и не думаем. Один раз не успела я встать, как слышу - плачут люди и кричат мужчины. Я иду к окну - вот вам картина. Подводы, наваленные с вещами, и люди наверху. Куда они едут? Этот вопрос нас поразило. Но недолго нам пришлось думать - это были бедные поляки, которых под стражей отправляли на вокзал. Тяжелая картина лежит перед нами, и нам еще тяжелее становится на душе. «Зачем? За что?» - кричали они всю дорогу. (...)

11/VIII-44. Moorsand. На улице солнце, лето, хорошо, но на сердце моей тяжелый оттенок от жизни здесь. Все болит у меня, и так нехорошо на душе. Когда на работе в поле, то ничего не лезет в мою голову, а так всякая ерунда идет в голову. И каждый день одно и то же, только и слышишь, что тот убит, тот ранен. Позавчера встала я только с постели, недели две лежала я в кровати, думала, что больше не встать, но бог помог, я встала. Но от слабости хожу как медленно, голова кружится. Две недели я ничего не ела, кроме немного козьего молока. Не раз я вспоминала наши ленинградские больницы.

Moorsand. Солнце уже опять скоро сядет, опять прошел день незаметно, и так летят годы без перемен. Вот скоро пройдет лето, но войне еще не конец. И даже не видно впереди. Так мы сейчас живем: день отжил, и слава богу. Живешь без газет и радио, ничего не знаешь. Скука и мрачность окружает нас кругом. Только другой раз в выходной я сажу в саду одна и вспоминаю, что было раньше. Тяжело жить на чужбине. (...)

В январе 1942 года фашистским руководством была поставлена задача - вывезти с оккупированных территорий СССР на принудительные работы 15 млн рабочих. В результате облав было вывезено порядка 5 млн человек, из них 2,4 млн - из Украины, более 400 000 - из Белоруссии.

Фотохроника ТАСС.

1/XI-44 г. Не раз я, читая книги, спрашивала у родных, что такое значит жизнь в людях. Но здесь я сама испытала. И только горько заплачешь, глядя на папин портрет. Такая жизнь была в этом году, что будет дальше - никто не знает.

Песня

Ой, ты жизнь моя

Жизнь тяжелая

И большим камнем

Ты на сердце легла.

Но ничего не скажешь

Только подушке

Выплачешь свою тоску.

Но это не поможет,

И все же не поможет.

Нужно же идти, идти. Конец.

Сочинила, когда работала у крестьян, пасла коров. Это было летом в 44 году. Сентябрь месяц. А в день моего рождения лежала я дома больная. (...)

18/II-45, воскресенье. Уже пролетела неделя, как мы здесь. Люди говорят, что русские подходят все ближе и ближе, и нам веселее становится, что, может быть, скоро попадем домой. Идет вторая неделя, как мы находимся под крышей этого большого замка, когда лежишь на полу как свинья. Точно как в лагере год назад. Но разница одна, что мы не кормим вшей и можно сварить чаю. На дворе все ближе и ближе слышны выстрелы орудий. Из этого ничего хорошего не предвидится. С каждым днем ждем новой власти. Что будет дальше-то, мы еще увидим. (...)